028-032Ostanin_028-032Ostanin.qxd 17.02.2021 13:46 Страница 28

Олег ОСТАНИН
г. Архангельск

Аверин починок

Пришло время, и Аверьян Афанасьевич стал старшим в роду и в деревне. Семья его была старообрядческая, как и все семьи в деревне, крепкая, поморская, работящая.

Деревня, где они жили, имела четыре рубленых избы да часовенку. Располагалась на берегу маленькой лесной речки в глухой тайге, в 30 верстах от центра волости. «Но те версты чёрт мерил, да верёвку оборвал», – говаривали в волости. Летом до деревни добирались только пешком да верхом на лошади, по лесной тропе, да и то с ночёвкой в лесу. А зимой деревня была отрезана от других деревень непролазными и непроходимыми сугробами. Глухое место для деревни выбрали, а затем отвоевывали у тайги несколько поколений старообрядцев задолго до Аверьяна. В результате вокруг каждого дома появились поля для жита (ячменя по северному), ржи, овса, картошки.

Аверьян был грамотный мужик, как и все старообрядцы. Грамоту передавали всем детям из поколения в поколение, чтобы читать старые «правильные книги», учить молитвы и молиться, и жить по своим, старым Божьим законам.

Став старшим в деревне, Аверьян ездил в волость 4-6 раз в году по делам торговли, за почтой и за товарами. Там в волости он впервые по-настоящему, крупно и серьёзно «согрешил» – выписал несколько северных «мирских» газет и журналов и тайно, в горенке под крышей, поздними вечерами стал читать их. А потом ночами перед иконами тайно, чтоб ни одна живая душа не увидела, замаливал свой грех любопытства. Газеты и журналы он привозил в бочке с треской регулярно, и хоть с опозданием, но был в курсе всех мировых событий.

А мир «бурлил» и менялся на глазах. У Аверьяна было два сына и три дочери. Старший сын, тайно начитавшись отцовских газет и журналов, в 1914 году сбежал из деревни, добровольцем ушёл на германскую войну, стал прапорщиком-артиллеристом, воевал во Франции, женился без отцова благословения. В 1918 году он отказался служить интервентам, вторгшимся на Север России, вступил в Красную армию, где и продолжил службу, регулярно извещая отца письмами о своей жизни, жизни в России и в мире. Он обосновался в губернском городе и возвращаться в деревню не собирался. Младшенький сын был немного глуховат с рождения, по местному говору, был «негодяем», то есть негодным к воинской службе. Он только успел жениться в грозном для Севера 1919 году, когда англичане, американцы и белые пошли войной на красных.

Его призвали коноводом в Красную армию. В первые месяцы службы он заболел испанкой, был доставлен в губернский госпиталь, а через полгода пришло известие, что он умер.

Сноха Аверьяна, жена младшего сына, в родах

028-032Ostanin_028-032Ostanin.qxd 17.02.2021 13:46 Страница 29

умерла, но оставила ему внука Петрушу. Двух дочерей Аверьян выдал замуж вовремя, как он потом считал, ещё до Первой мировой. А третья, самая младшая, сама нашла себе жениха, да ещё безбожника, когда ездила в волость за почтой. Там и осталась. А тут ещё нагрянула коллективизация, и её жених стал активистом-колхозником. Из писем старшего сына, из советских газет (которые вместо прежних он так же читал регулярно) да по рассказам волостного писаря и крестьян соседних деревень Аверьян имел довольно объективное представление о коллективизации. И не ожидал от неё ничего хорошего.

Люди, веками жившие своим умом и трудом, были сорваны с насиженных мест. Лишились своего, создаваемого поколениями хозяйства ради объединения в колхозы. Крестьянки и без внешнего понукания вставали с первыми лучами солнца, чтобы обиходить своих коров и прочую живность на своём дворе. В колхозах они почти лишились сна, вынуждены были бегать за 10 верст в соседнюю деревню, чтобы накормить и напоить согнанных туда, теперь уже не своих, а колхозных коров. То же происходило с заготовкой кормов и пахотой. Каждый крестьянин знал «каждую кочку» на своём поле и лугу, а незнакомое поле пахал, опустив руки. Первые годы коллективизации были трагедией для крестьян. Падеж скота и недород зерновых… В деревне появился голод, которого здесь никогда не знали. И всё по вине и глупости некоторых комиссаров, бригадиров, не знавших сельского хозяйства Севера. А ещё раскулачивание и репрессии лишали крестьян, особенно староверов, смысла их жизни…

Аверьян регулярно делился всей информацией со своей женой Аннушкой, которая была его моложе на 19 лет. И семейные дела и дела деревенские он обсуждал только с ней. А больше и не с кем было ему обсуждать. Мужики из соседних домов пропали на войне, а сыновья их были призваны в армию.

Однажды вечером неожиданно в деревню на двух лошадях заявились незваные гости. Младший зять Аверьяна, ставший землемером, с которым Аверьян так и не успел сродниться, а потому и не жаловал его, и комиссар из Питера. Последний был высокого роста, молодой и крепкий, в кожаной куртке, кожаной кепке и кожаных сапогах. На угрюмом, уставшем лице блестело пенсне.

Комиссар, усевшись, положил на стол деревянную кобуру с маузером, развернул мятую тетрадку и стал «записывать в колхоз». При этом ворчливо сетовал, что давно заслужил и уезд потеплее, где и народу больше, и деревни многолюднее, богаче, и стоят плотнее... А тут до деревни добирались «трои сутки» по непроходимой тайге да болотам, кормили комаров и мошку, а нашли – четыре полупустые избы! Чёрт бы вас всех побрал! Какой тут колхоз?! При этих словах Аннушка перекрестилась, переглянулась с Аверьяном и всё поняла – будут «кулачить», не поможет и зятёк. Она быстро метнулась в подполье, вынула «четверть» – огромную бутыль греховодного зелья – водки, поставила на стол. Нагребла из бочки в крынку заквашенной хрустящей капусты, из другой достала солёную щуку, порезала и окропила уксусом, покрыла кольцами лука, выставила на стол. Затем из печи достала свежую варёную с укропом «картофь». Порезала крупными ломтями каравай хлеба. Достала из буфета гранёные водочные стопочки. С поклоном нараспев при этом сказала: «Садитесь вечерять, гости дорогие».

Аверьян не пил водки. Зять знал обычаи староверов, поэтому сразу перехватил инициативу за столом. «Хоть тут помог, анчихрист», – подумал Аверьян.

Зять как хозяин из буфета достал гранёные, зеленоватого стекла чайные стаканы, налил до краев в каждый водки. Чокнувшись с комиссаром, молча опустошили стаканы и стали жадно есть. Видно было, дорогу они осилили с трудом. Зять проговорился, что заплутали в тайге и лишние сутки шли без харчей.

Досыта наевшись и выпив половину бутыли, гости прямо за столом стали засыпать. Чаю пить уже не могли. Аверьян, обняв за пояс, по одному, уложил гостей в горнице на сенные матрацы.

Уже давно пропели петухи и солнце вставало из-за леса, а «гости» всё ещё храпом сотрясали ситцевые занавески, закрывавшие тусклые оконца. Аннушка снова накрыла стол. Сияющий медью двухведёрный самовар издавал шипение и свист. На столе на чистой скатерти стояла тарелка с большой стопкой блинов. В глиняных крынках уложены солёные грузди, солёная треска, толокно, кусок сливочного масла. Раскладывая вилки и ложки, Аннушка невольно обронила одну. Раздался звяк металла. Комиссар открыл глаза, ткнул в бок храпевшего зятя. Пошли умываться на двор, Аннушка поливала студёной водой из ключа и подала гостям чистые и твердые белые полотенца. Сели завтракать, зять снова спросил водки, но выпили только по стакану. Комиссар долго и с удовольствием пил духовитый чай. После завтрака собрали трёх баб-солдаток да трёх старух и отправились измерять пашню, огороды, луга, считать скот – всё записывали в мятую тетрадь. Что-то долго считали на бумаге. Отошли и стали шептаться. Зять что-то долго объяснял комиссару. «Не выйдет у вас колхоза!– заключил комиссар: – Пашни у вас – кот наплакал!»

Аверьян уже давно понял, что уж если советс-

028-032Ostanin_028-032Ostanin.qxd 17.02.2021 13:46 Страница 30

кая власть пришла даже в их медвежий угол, то это надолго. И спорить с ней – себе дороже! И поэтому безропотно ждал решения пришельцев, молился про себя Богу и готовился к худшему, к раскулачиванию.

И тут его жена, его Аннушка, не смевшая глаз поднять при посторонних, заговорила, да не быстро, как обычно, а медленно, уверенно и толково. Она сказала комиссару, что деревня не может сдавать много зерна, но они с Аверьянушкой – смогут. Не в этом году, так в следующем – смогут. У них в тайге есть «новины». Новые поляны, на которых лес сведён для смолокуренья и пни много лет сжигают и корчуют. Давно задумали подготовить под посев те «новины». А сейчас, видать, время и пришло.

– Пиши нас в колхоз, только не сгоняй с насиженного места. А в домах, что остались без мужиков, бабы будут сдавать овощи и телят. Да и парни скоро вернутся из армии, парни справные и работящие. Справится деревня с заготовками и поставками. И так мы каждую осень всё в волость сами станем возить, – заключила она.

Аверьян оторопел. Во даёт баба! Впереди мужа всё решила! Впереди всего общества деревни! В жизни не учил её вожжами, а зря… Но продолжал молчать.

Комиссар смотрел на землемера, землемер на комиссара. Молчали, закурили папиросы. И снова Аннушка открыла рот: «А когда в дома вернутся парни из армии, мы с Аверьянушкой и Петрушей переберёмся в лес на постоянное проживание. А своё хозяйство поделим и половину оставим зятю как приданое дочери».

Зять и комиссар отошли, снова долго шептались. Наконец комиссар сказал: «Ладно. Сделаем вашу деревню частью колхоза, что на Питерском тракте. Но по осени будем считать каждый пуд хлеба, каждую курицу, каждого телёнка с каждой избы. А старшим, бригадиром назначим Аверьяна. И только попробуйте не исполнить приказ – загремите всей деревней на Соловки!»

С тем и уехали неожиданные гости.

Не дождавшись соседских парней, их демобилизации из армии, Аверьян погрузил на две телеги плотницкий и столярный инструмент, плуг и борону, кой-какую утварь, одежду, иконы и старые книги, прялку и ткацкий станок, два улья с семейством пчёл. В телеги запряг пару самых сильных лошадей, а к телегам привязал быка и корову. Дом и остатки хозяйства оставил для пригляда на соседей, чтобы потом передали зятю и дочери. Усадив жену и внука поверх пожитков, уехал на заимку. Там в лесу у него давно была срублена небольшая, но тёплая изба. В прежние годы он с младшим сыном и парой мужиков из деревни зимами там занимался смолокурением. Этаким малым семейным химическим производством, которое распространено было на Севере.

После уборки урожая северные мужики зимой никогда не сидели без работы. Многие уезжали в тайгу, валили лес и вывозили его к рекам, чтобы по весне вязать плоты и сплавлять их к Двине. А там сплавить в Архангельск и продать на переработку, на брус и доску.

Некоторые мужики на зиму уходили по питерскому тракту пешком в столицу, в Питер на заработки. Кто столярничал, кто плотничал, кто и камень точил – всё умели северные мужики. А самые рукастые и сноровистые, как Аверьян, – собирались в бригады. Сначала подсекали сосну и собирали из нее живицу – желтый, прозрачный, тягучий сок сосны на канифоль. Затаривали её в бочки и продавали в Архангельске англичанам и французам. Деревья постепенно сохли, их спиливали, кололи на плахи. И вот из этих сосновых плах в специальных печах, врытых в землю, там же в лесу выкуривали уже черную, вязкую, очень ценную смолу. Её тоже бочками по весне возили в Архангельск, на рынок, прозванный «Смольный буян». Там была аукционная торговля, и смола «шла с молотка». Такое производство смолы требовало знаний местности, знаний леса, умения лесоруба, печника и химика. Дежурить у печи приходилось сутками не смыкая глаз. Работа длительная, кропотливая, рассчитанная на годы. Только хозяйственный, сметливый, трудолюбивый, физически сильный и грамотный мужик мог организовать и выполнить эту работу. Помогал в этой нелёгкой работе Аверьяну его внук – Петруша.

Парень рос крепким, здоровым, сноровистым, трудолюбивым и.. молчаливым. Посты и молитвы соблюдал исправно.

Три молодых парня вернулись в деревню со службы в армии. А спустя несколько лет вернулся и один из староверов – был в плену. И деревня снова зажила в своём прежнем, крестьянском ритме. Зимой работала артель деда и внука – курили смолу. Весной, летом и осенью занимались полями и огородами, сенокосом да скотиной. Поздней осенью сдавали хлеб, овощи, телят, а затем и смолу в бочках приходившему из центральной усадьбы уполномоченному. Сначала вывозили всё на вьючных лошадях. Потом тропу расчистили и расширили, несколько месяцев топором чистил и Петруша. И стали вывозить «заготовки» на узких телегах, а по первому снегу – на санках.

Снова наладившуюся жизнь тихой деревни сломала война. В 1939 году в деревню прибыл из волости офицер и объявил, что Финляндия воюет с СССР. Молодые парни, недавно вернувшиеся со службы,

028-032Ostanin_028-032Ostanin.qxd 17.02.2021 13:46 Страница 31

были на заимке, помогали Аверьяну в лесу. Офицер спросил у Аннушки, показывая на карту, где находится это место и как оно называется. Аннушка замешкалась, не знала, что сказать, но вымолвила: «Так названия-то и нету, но могу вас туда провести». И тогда одна из матерей призывника, бойкая бабенка, сказала, что Аверьян Афанасьевич положил почин там своему ремеслу, так между собой ту заимку и зовут – Аверин Починок.

Трое парней ушли на финскую войну. А после 22 июня 1941 года, через неделю, когда весть об Отечественной войне дошла и до этой деревушки, Аверьян сам собрал сидор Петруше. Положил в него пару белья, солдатский котелок, жестяную кружку, деревянную ложку, ножик в ножнах, кусок вяленого мяса, пару караваев хлеба, связку вяленой сороги, коробок из-под спичек с солью и коробок со спичками. И сам на лошади отвёз внука в волость на призывной пункт, напутствовав на дорогу: «Береги себя, внучок, на рожон не лезь, но служи честно, веруя в Бога». Перекрестил и, не оборачиваясь, уехал в деревню.

Старший сын Аверьяна был уже в отставке, сам пришёл в военкомат, и его определили преподавателем артиллерийского дела во вновь открытую школу артиллеристов. Его два сына, внуки Аверьяна, были кузнецами на верфи, ремонтировали военные корабли и шили подводные лодки.

Первые, самые тяжелые годы войны Аверьян вместе с Аннушкой вёл все деревенское хозяйство. От смолокурни пришлось отказаться – одному там невозможно было управиться. А Аннушка от зари до зари поила и кормила скотину. Ей пригнали колхозное стадо телят из соседнего села. Аверьян пахал, сеял хлеб, убирал урожай, косил траву, ставил стога сена. В тяжелом 1943 году ему уже шёл 8-й десяток лет, Аннушка на 19 лет была его моложе. Аннушка никогда не слышала от него жалоб на здоровье. Он никогда тяжело не болел, а если простужался или случалась «ломота в костях», то лечился травами и парной баней. Но годы тяжелого труда неминуемо вели к старости и болезням.

Осенью, когда сдавали урожай, председатель колхоза передал Аверьяну пакет. В нём сообщалось, что его внук Пётр ещё летом пропал без вести. Не убит, не ранен, не умер от ран или болезни. Это плохое письмо, известие, не называли «похоронкой». Аверьян просил председателя не сообщать никому об этом письме, особенно Аннушке.

Аннушка стала замечать, что Аверьян стал работать медленно, часто отдыхал, присев прямо на землю у края поля. Ночами она слышала его тяжелое, неровное дыхание, а иногда и стоны. Однажды, уже в начале зимы, она застала Аверьяна строгающим длинные и широкие, белые как бумага, сосновые доски. «Ты чего это творишь?» – спросила она. Ответ был краток: «Домовину строгаю. Вот помру, а мужиков-то в деревне и нет. Кто домовину-то изладит?» Надо сказать, что на Севере в некоторых деревнях эта традиция – готовить себе гроб до смерти, ещё сохранилась. И гробы, где-нибудь на повети, стоят и по два десятка лет, дожидаясь своего владельца. «Да будет тебе, – отмахнулась Аннушка, – батогами тебя ещё не уколотишь», – и улыбнулась бодро. Через неделю гроб, как новый школьный пенал, стоял в сенях. Доски гладкие, белые, как полированные, подобраны без сучков, подогнаны без щелок, даже гвоздиков не видать. Аверьян позвал Аннушку и нарочито шутливо спросил, красив ли он будет, когда ляжет в гроб. Надо отметить, что Аннушка в юности была первой красавицей в округе, парни сватались к ней даже из других волостей, но она предпочла всем Аверьяна. А тот был бездетным вдовцом, на голову ниже её и небогат. Уже в те годы деревенские соседи недоумевали и сплетничали по поводу выбора Аннушки. Аверьян уже тогда имел широченную от глаз до груди черную бороду, старившую его ещё больше. С годами борода стала серебряно-седой и иногда достигала пояса. Но когда у них родились два сына и дочь, а хозяйство Аверьяна стало процветать, сплетни улеглись сами собой. И хоть Аверьян имел богатырскую силу, был широк в плечах, но в душе всегда робел перед красотой своей суженой, и она об этом догадывалась, хоть и не подавала вида. Наедине с Аннушкой он был ласков и внимателен, из волости всегда привозил ей гостинцы.

После заданного вопроса Аверьян уверенно лёг в гроб. И впервые он увидел, как его Аннушка, встав перед ним на колени, молча заливается слезами. «Отвечай!» – сурово попросил Аверьян. Её нежный, тихий, проникновенный грудной голос, как в далёкой молодости, напомнил ему дни их счастья. «Да ты самый красивый мужик в волости, Аверьянушко», – ответила Аннушка, поднялась и упала ему на грудь, двумя руками обхватив его голову. А затем, смахнув слёзы рукой, лукаво блеснув глазами, подражая тону мужа, задиристо заявила: «Тогда и мне строгай домовину, рядом лягу с тобой». Помолчали. А потом Аверьян серьёзно сказал: «Нет, Аннушка! Тебе нельзя. Ты ещё молодая. Я что мог – сделал в этой жизни. Два века никто не живёт. Мой заканчивается. А тебе надо встретить нашего Петеньку, женить его и помочь ему поднять наших правнуков».

В ту зиму Аверьян уже не смог ездить в лес, заготавливать дрова. Он помогал Аннушке ходить за телятами, таскал тяжеленные деревянные ведра с водой из колодца, убирал навоз. А когда растаял снег, появилась первая трава и телята были

028-032Ostanin_028-032Ostanin.qxd 17.02.2021 13:46 Страница 32

отправлены на центральную усадьбу колхоза, Аверьян стал собираться с переездом в свой родной дом, к дочери и зятю. Оставить Аннушку одну в лесной глуши он не мог.

По дороге в деревню проезжали мимо погоста. Аверьян остановил лошадей. Пошатал вековые, серые, лиственничные кресты своих предков – стояли прочно. Выбрал себе место и показал Аннушке: «Похороните меня здесь. Земля уже оттаяла, с копанием могилы мороки не будет. И помни, чтобы на моих похоронах никаких воплей и причитаний не было! Не люблю я этого. Ты знаешь!» И видя, как морщится лицо его Аннушки, совсем по-молодому, как-то хулигански улыбаясь, шутливо добавил: «Я ведь, если реветь будете, в гробу встану или сяду! Полдеревни от страха обделается! Такие похороны ты хочешь?» Аннушка стала быстро креститься и крестить мужа, замахала руками и стала стыдить старика: «Как тебе не совестно! Ты ведь не богохульник какой-нибудь! Ты же крещёный, да ещё старой правильной веры! Срам от городишь какой?! Грех-то какой! Прекрати немедля!» И опять прильнула к мужу. Он не оттолкнул её, а привлёк, обнял за плечи.

Приехали в свой родной дом. Зять с дочкой помогли разгрузить вещи, накормили ужином. Разместили родителей в самой тёплой комнате, поставили две деревянные кровати, постелили перины, свежее постельное бельё. Назавтра была суббота, банный день. А после бани Аверьян сам достал из комода домотканую льняную неношеную рубаху, расшитую когда-то Аннушкой косоворотку и домотканые порты. Переоделся. Потом принёс из кладовой яловые офицерские сапоги – подарок старшего сына, и поставил их у двери.

Ночью Аннушка плохо спала, ворочалась в мягкой, какой-то ставшей неудобной постели. Сон сморил её только к утру. Утром, выходя в сени, она увидела гроб, стоящий на двух табуретах. В гробу лежал её Аверьянушка с красивой седой, окладистой, пышной бородой и усами. Тело было ещё теплое, но бездыханное… Она поняла – её мужа, её Аверьяна больше нет. Она тихо-тихо, беззвучно зарыдала, словно боялась разбудить его.

* * *

Каждую весну Аннушка на подводе ехала за 30 вёрст по Петровой просеке до Центральной усадьбы. Там оставляла лошадь, ночевала, а поутру ещё десять вёрст шла пешком, пересекая множественные речки, луга и поля, чтобы добраться до пристани на Двине. Там она заходила на почту, чтобы забрать многочисленные ответы из всех инстанций, куда писала письма каждую зиму – разыскивала внука. Потом она встречала первый пароход-колёсник и, стоя на качающемся трапе, высматривала всех приехавших пассажиров – среди них искала своего внука Петрушу. Так она дожила до 96 лет, но внука так и не встретила…

Через 50 лет геодезисты, а вслед за ними дорожники начали прокладывать трассу от Вологды до Ледовитого океана. На месте заимки, где сохранился вросший по окна бревенчатый домик, появился бетонный столб с металлическим указателем – деревня Аверин Починок.

Ноябрь 2020 г. Архангельск

□

Олег ОСТАНИН

окончил Архангельский

государственный медицинский институт.

42 года работает врачом.

В настоящее время врач-хирург

филиала Военно-Морского госпиталя.

Живет в Архангельске.

В «Севере» публикуется впервые.